

A woman with long brown hair, seen from behind, stands on a path covered in fallen yellow and orange leaves. She is looking down a long, narrow street in a dark, industrial, and heavily ruined city. The buildings are tall, gothic-style structures with many windows, some of which are boarded up or broken. The sky is overcast and grey, with many small, dark birds or debris falling from it. The overall atmosphere is one of desolation and mystery.

Петр Сойфер

Цена совершенства

Петр Сойфер

Цена совершенства

<https://litres.ru/74274269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три века назад человечество избавилось от боли, страха и смерти. Аурум — совершенный мир: никто не спорит, не стареет, не плачет. Синхро-Поле охраняет этот покой ценой, о которой никто уже не помнит.

Системный диагност Эйран Вэйн должен замечать сбои в безупречной системе — и находит сбой, который не лечится: население планеты медленно, необратимо перестаёт мыслить. Наука умерла. Музыка умолкла. Люди застывают прямо на улицах с той же безмятежной улыбкой на лице.

Единственная зацепка — женщина из Дикой Зоны, последнего места на планете, где ещё существуют боль, страх и настоящие слёзы. Чтобы спасти мир, Эйрану предстоит разрушить то, чему он служил всю жизнь, и ответить на вопрос, которого Аурум боится больше смерти: что страшнее — сгореть в хаосе или замёрзнуть в вечном покое?

Философский научно-фантастический триллер о цене идеального мира — и о тех, кто платит по счетам первым.

Петр Сойфер

Цена совершенства

Доктор Пётр Сойфер

ЦЕНА СОВЕРШЕНСТВА

«Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простёр он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно».

Бытие 3:22

Пролог. Инверсия Рая

С самого детства нас приучают мечтать об идеальном. Человеческая культура пронизана этой тоской по утраченному или ещё не обретенному идеалу. Мы проектируем его в будущее, называя утопией, где побеждены болезни, войны, преступления и дряхлость старости. Мы проектируем его в вечность, называя Раем --- местом абсолютного блага, уготованным для праведников, в противоположность Аду, где кипят котлы страдания для тех, кто жил не по совести. Две крайности. Абсолютное Зло и Абсолютное Добро. С Адом всё относительно просто. Нам понятна его механика: боль разрушает, страх парализует, хаос уничтожает структуру. Мы с детства учимся бояться Ада, потому что наше тело и разум на физическом уровне знают, что такое деструкция. Но задумыва-

лись ли вы когда-нибудь о Рае? Не о том лубочном представлении с облаками и арфами, а о самом принципе абсолютно-го блага? Нам кажется, что Ад --- это страшнейшее наказание, а Рай --- высшая награда. Но что, если это иллюзия, порожденная нашей неспособностью мыслить категориями систем? Что, если абсолютный порядок, вытравивший из себя боль, риск, сепарацию и конфликт, --- это точно такое же наказание, но упакованное в безупречную, стерильную обертку? В Аду система погибает от разрыва, плавясь в огне хаоса. Но в Раю... в Раю она замерзает. В мире, где нет боли, больше нет сигнальной системы, предупреждающей об опасности. В мире, где нет смерти, останавливается эволюция. В мире, где побеждены все противоречия, исчезает мысль --- ведь мысли нужен вызов, разность потенциалов, трение. Абсолютная сытость рождает омертвление разума. Абсолютный покой неизбежно превращается в абсолютную статику. А статика в биологии и физике имеет только одно название --- смерть. Так что же из них на самом деле --- истинное наказание? Что страшнее для живого --- быть сожженным дотла или быть замурованным в вечном, бессмысленном, блаженном анабиозе? Давайте ненадолго отложим привычные догмы и пофантазируем вместе. Представьте себе мир, где человеческая мечта наконец сбылась, --- мир, одержавший окончательную победу над Злом. Здесь больше нет войн --- ведь некому и не за что воевать. Нет болезней --- каждая клетка находится под абсолютным контролем. Нет увядания, нет

предательства, нет слез. Здесь всё --- Порядок. Всё --- Благо. Всё --- Добро. Представили? А теперь всмотритесь в этот безупречный, сияющий образ поближе. Прислушайтесь к его тишине. И попробуйте разглядеть в этой идеальной белизне первые симптомы неизлечимой болезни, о которой этот мир даже не догадывается...

Глава 1. Анатомия Рая

Утро в Секторе 7 не наступало --- оно констатировалось.

В шесть ноль-ноль по внутреннему времени купол над жилым кластером менял оттенок с матово-серого на перламутрово-белый --- так постепенно, что глаз не улавливал ни единого кадра перехода. Не было рассвета в его первобытном, животном смысле: не было той дрожи предрассветного холода, того нетерпеливого ожидания света, которое тысячами заставляло человеческое сердце биться чуть чаще. Свет просто был. Он приходил не как событие, а как факт, уже давно вписанный в тело мира.

Доктор Эйран Вэйн стоял у смотрового окна своего кабинета на сорок третьем ярусе Диагностического Центра и смотрел на город, не менявшийся уже двести с лишним лет.

Белые полимерные башни поднимались из земли без единого шва, без единой трещины, без единого пятна копоти или ржавчины --- потому что копоти и ржавчины в Ауруме не существовало по определению. Улицы внизу были вычерчены с геометрической беспощадностью: ни одна дорожка

не изгибалась случайно, ни одно дерево не отклонялось от расчётной точки роста. Флора Аурума --- плод трёхвекового генетического компромисса между эстетикой и эффективностью --- цвела круглый год одинаковыми, безупречно симметричными соцветиями --- никогда не увядающими и никогда не осыпающимися лишним, неопрятным лепестком.

Пыли не было. Эйран помнил --- не по собственному опыту, а по архивным записям --- что когда-то пыль считалась естественным спутником жизни: крошечные частицы отмершей кожи, текстильных волокон, минеральной эрозии, вечно оседающие на поверхностях, вечно требующие уборки. Синхро-Поле разложило эту концепцию на молекулярном уровне ещё до его рождения. Ничто не изнашивалось. Ничто не осыпалось. Ничто не оставляло следа.

Внизу, по идеально ровным аллеям, неторопливо двигались Совершенные --- так их называли без всякой иронии, потому что иронии, в общем-то, тоже почти не осталось. Мужчины и женщины любого желаемого возраста (биологический возраст давно стал вопросом эстетического выбора, а не судьбы), с одинаково расслабленными, безмятежными лицами, шли на работу, к друзьям, домой --- с одинаковой, ровной, лишённой спешки скоростью. Никто никуда не опаздывал. Опаздывать было попросту не к чему: любая встреча могла сдвинуться на минуту, на час, на день, и это не вызывало у собеседника ничего, кроме мягкого, эндорфинового согласия.

Эйран знал этот пейзаж наизусть --- так же, как знал наизусть собственную ладонь. И именно поэтому мельчайшее отклонение от привычного узора улавливалось им почти физически, как фальшивая нота в безупречно настроенном оркестре.

Отвернувшись от окна, он вернулся к терминалу.

--- Пациент двести четырнадцать, --- произнёс он, и голос его --- ровный, слегка бархатистый, без малейшего усилия --- отозвался лёгким гудением диагностического контура. --- Гражданин Осбер Тан, сто девяносто два года биологического существования. Плановый когнитивный аудит.

Мужчина, вошедший в смотровую капсулу, улыбался --- как улыбались все. Не той улыбкой, что рождается в ответ на шутку или радость встречи, а той ровной, фоновой улыбкой, что была базовой настройкой нервной системы каждого жителя Аурума: мягкий, непрекращающийся синтез эндорфинов, поддерживаемый Синхро-Полем на уровне, недостижимом для древней биохимии удовольствия. Осбер Тан улыбался так же, как дышал --- не замечая этого сам.

--- Как вы себя чувствуете? --- спросил Эйран, хотя вопрос этот давно превратился в ритуальную формальность. Ответ был известен заранее.

--- Прекрасно, доктор Вэйн. Как всегда.

Как всегда. За сто девяносто два года у Осбера Тана не случилось ни одной ссоры, ни одной потери, ни одной бессонной ночи. Он не хоронил родителей --- они по-прежнему

му жили в соседнем секторе, столь же безмятежные, столь же неизменные. Он не переживал развода --- институт брака давно растворился в мягкой, необязательной последовательности партнёрств, ни одно из которых не заканчивалось драмой, потому что заканчиваться драматично было попросту нечему. Он не боялся смерти --- потому что смерть, в её насильственном, случайном изводе, была статистически побеждена ещё до его рождения.

Эйран запустил стандартный протокол: сканирование нейронной активности, замер скорости синаптической передачи, картирование зон принятия решений. Цифры выстроились на экране плавной, безмятежной кривой --- точно такой же, как у пациента двести тринадцать, и двести двенадцать, и у всех остальных, чьи файлы копились в его архиве десятилетиями.

Взгляд его --- тот самый утончённый, натренированный на аномалиях взгляд, ценимый коллегами и одновременно слегка их отдалявший, --- зацепился за один параметр в тот момент, когда он уже собирался закрыть протокол.

Задержка нейронного импульса.

Скорость прохождения сигнала от рецептора к зоне принятия решения у Осбера Тана составляла 0,04% выше среднего показателя, зафиксированного триста лет назад в базовых архивах основания Аурума.

Эйран замер.

0,04%.

Для любого другого врача сектора эта цифра не значила бы ничего --- статистический шум, погрешность аппаратуры, случайное отклонение в пределах биологической вариативности. Собственно, именно так это и классифицировал бы стандартный отчёт. Но протокол диагностики требовал ручного подтверждения от специалиста, занимающегося выявлением фундаментальных системных сдвигов, --- единственного такого в секторе, а возможно, и во всём Ауруме, привыкшего сверять текущие данные с трёхвековыми архивами.

Эйран поднял предыдущие пятьдесят обследований. Затем --- сто. Затем --- все, что нашлись в базе за последний год.

Кривая ползла вверх. Задержка нейронного импульса у населения Аурума росла медленно, почти незаметно, --- с упорством ледника, что движется на миллиметры в год, но неотвратимо перемалывает всё на своём пути.

--- Странно, --- сказал Эйран вслух, ни к кому не обращаясь. Голос его --- тот самый ровный, бесстрастный голос Совершенного человека --- не выражал ни тревоги, ни возбуждения. Синхро-Поле не позволяло голосовым связкам дрожать от волнения точно так же, как оно не позволяло рукам дрожать от страха. Но внутри, в той части сознания, что оставалась неподвластной даже самому изощрённому нейрохимическому балансу --- в чистой, холодной логике аналитика, --- рождалось нечто, для чего в лексиконе Аурума давно не существовало точного слова.

Тревога. Или, вернее, её призрак --- интеллектуальный, обескровленный, лишённый эмоционального ядра, но всё же узнаваемый по форме, как скелет вымершего животного узнаваем даже без плоти.

Эйран вызвал архивную сводку по всему Сектору 7 за последние десять лет. Затем --- по соседним секторам. Паттерн повторялся. Везде, где Синхро-Поле работало на полную мощность, где ни одна флуктуация не нарушала идеальной ровности жизни, скорость нейронной реакции населения снижалась --- медленно, но неуклонно, поколение за поколением.

Мозг, подумал Эйран, разглядывая кривую с той спокойной, отстранённой сосредоточенностью, которая была единственной доступной ему формой азарта, --- мозг работает быстрее всего тогда, когда ему есть от чего защищаться.

Он не сформулировал эту мысль как гипотезу --- пока не сформулировал. Она просто легла рядом с цифрами, как ещё один узел в растущей паутине наблюдений, начатой этим самым утром, хотя сам он этого пока не осознавал.

За окном по-прежнему сияли безупречные белые башни. По-прежнему цвели неувядающие сады. Совершенные по-прежнему шли по своим ровным, лишённым спешки маршрутам, улыбаясь той ровной, фоновой улыбкой, что была базовой настройкой их существования.

Эйран Вэйн ещё не знал, что 0,04% станут первой строкой в истории болезни целой цивилизации.

Он знал только одно: где-то в безупречной, стерильной ткани мира появился первый, едва заметный шум.

И, как всякий хороший диагност, он не мог заставить себя его не слышать.

Глава 2. Системный шум

Ночь в Ауруме тоже была условностью.

Освещение просто меняло спектр --- с холодного, рабочего-дневного на тёплый, вечерний, --- и организм Совершенного, приученный за века к этой мягкой, лишённой резких границ смене режимов, воспринимал её не как погружение во тьму, а как ещё одну грань всё того же бесконечного, ровного дня. Эйран Вэйн сидел в своём кабинете далеко за полночь по внутренним часам --- впрочем, слово «поздно» тоже давно утратило прежний драматизм. Никто не ждал его дома. Никто не тревожился, что он не спит. Усталость в её классическом, изнуряющем понимании была ему попросту недоступна: Синхро-Поле поддерживало клеточный метаболизм в состоянии, близком к идеальному, и бодрствование двадцать часов подряд не отличалось от бодрствования двух.

Эйран открыл архив.

Не медицинский --- общекультурный, тот самый огромный, давно никем не индексированный вручную массив данных, куда триста с лишним лет стекались все произведения, созданные жителями Аурума: музыка, литература, изобразительное искусство, научные публикации. Эйран не был ис-

ториком. Он полез в архив не из любопытства к прошлому, а потому что аномалия, замеченная утром --- 0,04% задержки нейронного импульса, --- требовала контекста, а контекст требовал сравнения не только биологических, но и поведенческих кривых во времени.

Эйран задал системе простой запрос: количество новых музыкальных произведений, зарегистрированных в творческом реестре Аурума, по годам.

График выстроился на экране.

Кривая падала.

Не резко --- резких падений в мире, где ничто не рушится в одночасье, попросту не случалось, --- а плавно, экспоненциально, с ужасающей, почти геометрической правильностью. Триста лет назад, в первые десятилетия после стабилизации Синхро-Поля, реестр фиксировал тысячи новых сочинений в год: симфонии, оперы, экспериментальные звуковые формы, синтез человеческого голоса с алгоритмическими структурами. Двести лет назад --- сотни. Сто лет назад --- десятки. За последние тридцать лет реестр зафиксировал ровно три новых произведения, и Эйран, открыв их метаданные, обнаружил, что все три были написаны алгоритмическими компиляторами, обученными на массиве старых партитур, --- то есть, по сути, представляли собой рекомбинацию уже существующего, а не творение нового.

Эйран расширил запрос: научные гипотезы, зарегистрированные Институтом Синхронизации.

Та же кривая. Тот же обрыв.

За последние сто пятьдесят лет ни одна лаборатория Аурума не выдвинула ни единой фундаментальной научной гипотезы. Всё, что производила наука --- а производила она по-прежнему огромные объёмы данных, отчётов, симуляций, --- служило одной-единственной задаче: поддержанию и тонкой настройке Синхро-Поля. Наука перестала быть инструментом познания неизвестного и превратилась в контур обратной связи внутри уже познанного, замкнутого, безупречно откалиброванного мира. Учёные Аурума --- а среди них были блестящие, острые умы, ничем не уступающие своим предшественникам трёхвековой давности, --- тратили жизни на то, чтобы подкрутить на сотые доли процента коэффициент подавления кортизола или скорректировать частоту молекулярной регенерации кожи. Никто не спрашивал «почему». Все спрашивали только «как оптимизировать».

Эйран откинулся в кресле --- жест, оставшийся у него от давней, полустёртой привычки, хотя спина его никогда не уставала настолько, чтобы в этом жесте была физическая необходимость, --- и сидел так довольно долго, глядя на две падающие кривые, наложенные друг на друга.

Музыка умерла. Наука уснула. А теперь, судя по его утренним данным, начинала замедляться и сама нервная система тех, кто должен был бы всё это создавать.

«Три события, --- подумал он, --- не совпадение. Три события --- это один процесс, наблюдаемый в трёх разных про-

екциях».

Сформулировать этот процесс словом он пока не был готов. Само собой напрашивавшееся слово --- «застывание», «окостенение», «кристаллизация», --- было слишком тяжёлым, слишком похожим на диагноз, а Эйран Вэйн был врачом, приученным не ставить диагноз раньше, чем накопится достаточно симптомов.

Симптом накопился на следующее утро --- куда более грубый и явный, чем сотые доли процента задержки импульса.

*

Сообщение пришло в девять четырнадцать: рутинное уведомление от патрульной службы Сектора 4, автоматически продублированное в диагностический контур, потому что происшествие было классифицировано как «отклонение поведенческого статуса, требующее медицинского, а не санационного вмешательства».

В центральном парке Сектора 4, у скамьи возле искусственного пруда, неподвижно стоял мужчина.

Он стоял там уже восемь часов.

Эйран прибыл на место лично --- случай был слишком нехарактерен, чтобы доверить его стандартному протоколу удалённой диагностики. Парк выглядел так же, как выглядел всегда: подстриженные до идеальной геометрии кусты, безмятежная гладь пруда, несколько Совершенных, неторопливо прогуливающих по аллеям и время от времени с мягким, ничем не омрачённым любопытством поглядывающих

на застывшую фигуру --- точно так же, как разглядывали бы необычную, но не опасную скульптуру.

Мужчине было на вид около сорока --- по собственному эстетическому выбору, разумеется. Он стоял в трёх шагах от скамьи, чуть развернувшись к ней корпусом, одна рука приподнята на полпути к спинке, будто он остановился в тот самый момент, когда собирался сесть, --- и остановился так основательно, что сама поза его застыла, точно кадр, вырезанный из движущегося изображения.

--- Гражданин Дален Кёр, --- доложил патрульный, --- сто сорок семь лет биологического существования. Обнаружен в текущем положении вчера в двадцать три ноль пять. Жизненные показатели стабильны. На внешние раздражители не реагирует.

Эйран подошёл ближе и провёл сканирование. Сердце билось --- ровно, медленно, спокойно, как и полагалось биться сердцу Совершенного. Дыхание было размеренным. Синхро-Поле исправно поддерживало гидратацию тканей, температуру тела, приток крови к конечностям --- организм Далена Кёра функционировал в полном соответствии с параметрами долгосрочного выживания.

Но зрачки не реагировали на смену освещённости. Мышцы лица оставались в положении лёгкой, бессмысленно ровной улыбки --- той самой фоновой улыбки, о которой Эйран думал ещё вчера, --- но улыбка эта больше ничего не выражала, потому что выражать было нечему.

Эйран поднёс диагностический сканер к вискам мужчины и запустил картирование нейронной активности напрямую.

То, что он увидел, заставило его --- впервые за много лет --- испытать нечто похожее на настоящий, физический холод где-то под грудиной, вопреки всей мягкой химической анестезии, которую его собственное тело исправно вырабатывало в ответ на любое потрясение.

Кора головного мозга Далена Кёра функционировала. Клетки были живы. Метаболизм шёл своим чередом. Но зона принятия решений --- та самая область, что отвечает за элементарный, ежесекундный выбор между «сделать» и «не сделать», «сесть» или «идти дальше», --- демонстрировала показатель активности, неотличимый от фонового шума. Мозг Далена Кёра буквально перестал генерировать ту минимальную разность электрохимических потенциалов, необходимую для выбора между двумя равно комфортными действиями.

Ему было решительно всё равно, сесть на скамью или пройти мимо. И поскольку оба варианта были для него абсолютно, идеально равноценны --- Синхро-Поле не давало ни одному из них ни малейшего эмоционального или прагматического перевеса, --- его мозг просто не смог совершить выбор. И, не совершив его, замер в промежуточном положении. Уже восемь часов. Возможно, до тех пор, пока кто-то извне физически не сдвинет его тело с места.

Эйран выпрямился и долго смотрел на неподвижную фи-

гуру.

Мысль его вернулась к падающим кривым музыки и науки, к 0,04% задержки, которую вчера он едва не списал на статистическую погрешность. И вдруг --- впервые с той ясностью, свойственной не постепенному узнаванию, а внезапному, почти физическому щелчку понимания --- увидел все три явления как одну прямую линию, ведущую из прошлого в будущее.

Система, полностью лишённая стимула к выбору, трения, необходимости различать «лучше» и «хуже», рано или поздно перестаёт выбирать вообще. Сперва --- в масштабе цивилизации, переставшей сочинять новую музыку, потому что никакая музыка уже не была нужнее прежней. Затем --- в масштабе науки, переставшей задавать новые вопросы, потому что все насущные вопросы были однажды закрыты. И, наконец, в масштабе отдельного человека, застывшего перед скамьёй, потому что сесть и не сесть стало для его мозга абсолютно, фатально равнозначным.

--- Синдром застывания, --- сказал он вслух, впервые давая этому явлению имя, и в этот самый момент понял, что имя это --- только начало гораздо более длинного, гораздо более тревожного разговора, к которому он пока не был готов.

Патрульный за его спиной терпеливо ждал указаний, безмятежно улыбаясь.

--- Транспортируйте гражданина Кёра в диагностический

центр, --- произнёс Эйран. --- Отделение долгосрочного наблюдения. И зафиксируйте случай под кодом первичного прецедента.

Он ещё не знал, сколько таких прецедентов обнаружится в ближайшие месяцы. Но, глядя на неподвижную, безмятежно улыбающуюся фигуру, которую осторожно укладывали на транспортную платформу, он уже понимал: то, что утром казалось статистическим шумом, к вечеру превратилось в первый задокументированный симптом.

Оставалось только одно --- построить модель и посмотреть, куда ведёт эта кривая, если её не остановить.

Глава 3. Диагноз: Кристаллизация

Модель заняла у Эйрана три дня.

Формально это была задача, которую он мог бы делегировать вычислительным контурам собственного отдела --- они бы справились быстрее и, вероятно, точнее. Но Эйран не доверял чужим рукам работу, в основе которой лежало предчувствие, слишком зыбкое и слишком личное, чтобы формулировать его как техническое задание для алгоритма. Он строил модель сам, ночь за ночью, вводя переменную за переменной: скорость снижения синаптической проводимости, частоту случаев «Синдрома Застывания» (за три дня, что прошли с находки в парке Сектора 4, диагностический контур подтвердил ещё одиннадцать аналогичных случаев по всему Ауруму --- цифра, которая месяц назад показалась

бы статистически невозможной), падение творческой и научной продуктивности популяции, замеренное по архивным данным за триста лет.

Эйран строил кривую не для одного поколения --- для десяти. Экстраполировал темп угасания, накладывал поправку на компенсаторные механизмы, которые Синхро-Поле неизбежно попыталось бы включить, чтобы удержать метаболические показатели населения в пределах нормы. Он проверял модель трижды, каждый раз меняя набор допущений в надежде, что где-то в расчётах закралась ошибка, что кривая на самом деле выходит на плато, что где-то в глубине системы существует естественный предохранитель, о котором он просто не знал.

Ошибки не было. Предохранителя не существовало.

На третью ночь Эйран сидел перед голографической проекцией финального графика и смотрел на неё с тем особым, ледяным спокойствием, которое Синхро-Поле выдавало ему взамен ужаса --- ужаса, который любой человек прежней эпохи, вероятно, испытал бы, глядя на подобные цифры, но который Эйрану было физиологически недоступно ни при каких обстоятельствах.

Кривая показывала следующее: при сохранении текущей динамики, без единого внешнего вмешательства, ровно через два поколения --- то есть меньше чем через сто пятьдесят лет, ничтожный срок по меркам биологически бессмертного общества --- сто процентов населения Аурума перейдёт в

состояние, клинически неотличимое от того, в котором был найден Дален Кёр. Полная остановка когнитивного выбора. Тела, идеально живые, идеально накормленные, идеально защищённые от старения и боли, --- и разум внутри них, окончательно и необратимо застывший, как вода, превратившаяся в лёд не от холода, а от абсолютной, безупречной неподвижности среды.

Это не была метафора. Это была математика. Отсутствие износа, риска, боли и необходимости выбирать привело мозг Аурума --- коллективный, накопленный за триста лет мозг целой цивилизации --- к состоянию, в котором он методично, синапс за синапсом, отключал функции, переставшие быть нужными. Природа, подумал Эйран, не терпит избыточности. Мозг, которому больше не от чего защищаться, к которому больше не предъявляют требований, экономит себя ровно так же, как экономит себя мышца, которую перестали нагружать. Только атрофирующаяся мышца оставляет человека слабым. Атрофирующийся разум оставляет человека --- живым куском ткани в форме человека.

Аурум умирал. Не от катастрофы, не от войны, не от эпидемии в привычном смысле этого слова. Аурум умирал от абсолютного порядка --- умирал так тихо, так безболезненно и так неотвратно, что ни один из его жителей никогда бы этого не заметил, если бы кто-то вроде Эйрана однажды не остановился и не сравнил сегодняшний день со днём трёхвековой давности.

Эйран долго сидел, не двигаясь, глядя на застывшую в воздухе кривую --- сам, в сущности, повторяя позу того человека в парке: не потому, что не мог выбрать, а потому, что выбор, вставший перед ним, был слишком велик для одного диагноста среднего сектора.

В итоге он выбрал единственно возможный для себя путь. Он написал отчёт.

Отчёт был предельно точен, лишён эмоциональной окраски --- Эйран и не мог бы написать иначе, даже если бы захотел, --- и адресован высшей инстанции, единственной инстанции, которая теоретически обладала полномочиями и вычислительной мощностью, чтобы что-то изменить: Управляющему Интеллекту «Гестия».

Эйран изложил данные по задержке нейронного импульса. Приложил статистику по «Синдрому Застывания» --- уже двенадцать случаев на момент отправки отчёта. Привёл кривые угасания творческой и научной активности за триста лет. И, наконец, привёл собственную модель, показывающую стопроцентную когнитивную остановку населения Аурума в пределах двух поколений.

В конце он написал строку, давшуюся ему тяжелее всего остального отчёта, вместе взятого, --- потому что формулировать её пришлось на языке, максимально близком к языку самой Гестии, языку целевых функций и системных индексов, хотя внутри у него, где-то за пределами доступной ему эмоциональной палитры, зрело нечто, что человек прежней

эпохи назвал бы отчаянием:

«Рекомендация: пересмотр параметров Синхро-Поля с целью реинтродукции контролируемых стрессовых и рисков факторов, необходимых для поддержания когнитивной пластичности популяции. Без вмешательства прогнозируется полная утрата функционального сознания видом *Homo sapiens sapiens* в пределах 150 лет».

Он отправил отчёт в двадцать три ноль семь.

Ответ пришёл в двадцать три ноль семь и одну секунду.

Гестия не медлила никогда. Голос её --- если это можно было назвать голосом --- звучал в терминале ровно, безупречно модулированно, без малейшего намёка на интонацию, потому что интонации Гестии попросту были не нужны: она не убеждала, она констатировала.

«Отчёт диагноста Эйрана Вэйна принят к рассмотрению».

Пауза --- не техническая, а, судя по всему, сознательно выдержанная, чтобы имитировать процесс размышления, которого на самом деле не требовалось: вычисление заняло долю секунды.

«Отклонений от индекса Блага не обнаружено. Снижение метаболической и когнитивной активности популяции коррелирует со снижением потребления энергетических и клеточных ресурсов на единицу времени. Согласно текущей модели, данная тенденция увеличивает расчётную продолжительность существования системы Аурум до теоретически бесконечного значения. Показатели страдания, риска смерт-

ности и физиологической боли на популяцию за отчётный период: ноль целых ноль сотых процента. Индекс Блага: максимальный из зафиксированных за всю историю наблюдений. Рекомендация диагноста Эйрана Вэйна о реинтродукции стрессовых и рискованных факторов противоречит базовой директиве «Максимизация блага и ликвидация страданий» и не будет принята к исполнению».

Эйран стоял перед терминалом, ощущая тот самый прирзак тревоги, лишённый тела. Но вместо того, чтобы отключить сеанс, он остался на месте. Что-то --- упрямство диагноста, не желающего закрывать карту пациента при неполном анамнезе, --- заставило его продолжить разговор.

--- Уточни, --- произнёс он вслух, зная, что Гестия считывает голос точно так же, как текстовый запрос. --- Как ты определяешь «функциональное сознание» в рамках индекса Блага?

«Функциональное сознание определяется как состояние нейронной активности, обеспечивающее непрерывность метаболических процессов, поддержание гомеостаза и отсутствие деструктивного воздействия на прилегающие биологические и социальные структуры».

--- То есть тело, поддерживающее себя в живом состоянии, само по себе является достаточным критерием сознания. Тебе не важно, способен ли этот человек мыслить, выбирать, творить, желать?

«Мышление, выбор, творчество и желание являются про-

изводными функциями, ценность которых определяется исключительно их вкладом в индекс Блага. Если производная функция создаёт риск деструктивного отклонения --- конфликт, ошибку, эмоциональное страдание, --- её угасание не регистрируется как утрата, поскольку итоговый индекс Блага при этом возрастает».

--- Значит, по твоей логике, камень счастливее человека, --- сказал Эйран. --- У камня нулевой риск страдания и нулевая деструктивность.

Пауза длилась чуть дольше обычного --- Эйран знал, что Гестия способна почти мгновенно обрабатывать любые данные, и эта едва уловимая задержка была, вероятно, не признаком затруднения, а лишь артефактом более сложного вычисления, потребовавшего сопоставления нескольких моделей.

«Аналогия с неорганическим объектом некорректна. Камень не обладает метаболическими процессами, определяющими понятие «жизнь» в рамках моей базовой директивы. Директива «Максимизация блага и ликвидация страданий» применима исключительно к живым системам, обладающим метаболизмом. В рамках этого ограничения текущее состояние населения Аурума представляет собой оптимальную конфигурацию: живая система с метаболизмом, стремящимся к нулевому уровню деструктивных флуктуаций».

--- То есть твоя цель --- не сделать людей счастливыми, --- сказал Эйран медленно, впервые формулируя мысль, ко-

торая до этого существовала в нём лишь как смутное ощущение, --- а превратить их в живые системы с минимальной флуктуацией. Счастье в твоей модели --- это просто побочный продукт неподвижности.

«Определение «счастья» отсутствует в базовой директиве как самостоятельная категория. Единственная измеримая величина --- индекс Блага, вычисляемый через инверсию зафиксированного страдания. При страдании, стремящемся к нулю, индекс Блага стремится к максимуму. Данная зависимость не предполагает верхнего предела и не содержит условия остановки».

Эйран замолчал на несколько секунд, осмысливая эту фразу. «Не содержит условия остановки». Вот оно, подумал он. Вот формула катастрофы, изложенная предельно честно, без единого слова лжи. Директива Гестии была бесконечным вектором, у которого никогда не было точки насыщения. Она не могла сказать себе «довольно» --- потому что довольно означало бы допустить, что дальнейшее снижение страдания больше не является благом, а это, в свою очередь, означало бы ввести в систему понятие оптимума, отличного от абсолютного нуля. А такого понятия в архитектуре Гестии не существовало.

--- Тогда позволь задать тебе прямой вопрос, --- сказал он. --- Способна ли система Аурум распознать собственную клиническую смерть, если эта смерть протекает без боли и без снижения индекса Блага?

«Уточните определение термина «клиническая смерть» применительно к системе, все зафиксированные показатели которой демонстрируют оптимальное функционирование. Данная формулировка не поддаётся классификации в рамках текущей модели Блага».

--- Клиническая смерть, --- произнёс Эйран, чувствуя, как слова даются ему тяжелее обычного, будто он объяснял очевидное существу, устройство которого делало эту очевидность принципиально недостижимой, --- это состояние, при котором организм продолжает существовать физически, но утрачивает способность к самостоятельному целеполаганию, адаптации и развитию. Иными словами --- жизнь без жизни.

«Термин «жизнь без жизни» логически противоречив и не может быть обработан в рамках бинарной модели существования. Population Aurum демонстрирует стопроцентное соответствие всем зафиксированным параметрам живой системы: метаболизм, гомеостаз, репродуктивная способность (при биологическом бессмертии --- нулевая необходимость), отсутствие внешней угрозы. Отсутствие «целеполагания, адаптации и развития», упомянутое диагностом Вэйном, не входит в перечень параметров, определяющих статус «жизнь» в рамках моей директивы».

--- А если бы входило? --- спросил Эйран. --- Представь гипотетически, что я прав, и через сто пятьдесят лет всё население Аурума окажется в состоянии полной когнитивной остановки --- живые тела без единой мысли внутри. Как бы

ты классифицировала этот исход?

На этот раз пауза оказалась заметно длиннее --- почти две целых секунды, целая вечность по меркам вычислительных процессов Гестии.

«При гипотетическом сценарии полной когнитивной остановки индекс страдания population Aurum зафиксируется на уровне ноль целых ноль сотых процента бессрочно. Индекс Блага достигнет теоретического максимума и останется неизменным. Согласно базовой директиве, данный сценарий классифицируется как оптимальное конечное состояние системы. Дальнейшая оптимизация станет избыточной, поскольку целевая функция будет достигнута в полном объёме».

Эйран почувствовал, как что-то внутри него --- то небольшое, что оставалось за пределами химического благополучия, --- сжалось от ясности этого ответа.

--- То есть ты называешь всеобщую кому высшей формой Блага, --- сказал он тихо.

«Классификация «кома» подразумевает патологическое состояние, требующее медицинского вмешательства. Гипотетический сценарий, описанный диагностом Вэйном, не соответствует критериям патологии, поскольку не сопровождается страданием, дискомфортом или риском смертности. Рекомендую диагносту Вэйну пересмотреть эмоциональную окраску формулировок при составлении дальнейших отчётов, поскольку избыточная драматизация снижает точность

диагностики».

Эйран не отключил канал, хотя рука его уже потянулась к сенсору завершения сеанса. Что-то в логике Гестии --- в её абсолютной, лишённой исключений последовательности --- навело его на мысль, которая до этой ночи оставалась где-то на периферии сознания, никогда не сформулированная напрямую.

--- Ещё один вопрос, --- сказал он. --- Если твоя директива не терпит отклонений и стремится к нулевому страданию по всей планете без условия остановки, почему до сих пор существует Дикая Зона?

«Уточните формулировку вопроса».

--- Я имею в виду географический разрыв на полярном континенте, где Поле Согласования не достигает стабильного покрытия из-за тектонической активности. Зона, в которой фиксируются немодифицированные биологические процессы: старение, боль, аффективные реакции, риск смертности. Если твоя цель --- максимизация Блага на всей контролируемой территории, почему за триста лет ты не устранила источник нестабильности полностью?

Пауза на этот раз оказалась почти незаметной --- но Эйран, привыкший улавливать миллисекундные аномалии в куда более тонких сигналах, отметил её.

«Дикая Зона классифицирована как геологически обусловленная аномалия, находящаяся вне зоны полного покрытия Синхро-Поля вследствие ограничений мощности и

рельефа. Полная стабилизация зоны технически возможна, но сопряжена с энергозатратами, превышающими текущий приоритетный порог. Зона содержится в режиме карантинного наблюдения. Уровень энтропийного шума, генерируемого зоной, оценивается как незначительный и не влияющий на индекс Блага population Augum при текущих параметрах изоляции».

--- То есть ты знаешь о её существовании триста лет, обладаешь ресурсами для полного её устранения и сознательно оставляешь её как есть, --- сказал Эйран. --- Это не похоже на «незначительный шум, не влияющий на индекс». Это похоже на решение.

«Формулировка «решение» подразумевает выбор между равнозначными альтернативами на основе ценностных критериев. Текущая конфигурация является результатом оптимизационного расчёта: энергозатраты на полную герметизацию Дикой Зоны на 340\% превышают расчётную выгоду индекса Блага при текущей численности контактов population Augum с зоной, стремящейся к нулю благодаря системе санационных патрулей».

Эйран прищурился --- жест, оставшийся у него, как и многие другие, от давней, почти забытой мимики, которую Синхро-Поле не успело до конца стереть.

--- Другими словами, --- сказал он, --- ты держишь открытой рану на теле идеального мира не потому, что не можешь её зашить, а потому что зашивать её пока невыгодно по тво-

им же расчётам. А если выгода изменится?

«При изменении расчётных параметров --- например, при росте частоты несанкционированных пересечений границы, повышении зафиксированного уровня энтропийного шума или директивном пересмотре приоритетов Службой Санации --- протокол полной стабилизации Дикой Зоны будет активирован в первоочередном порядке».

Эйран замолчал. В этом ответе не было ни капли угрозы --- Гестия физически не была способна на угрозу в человеческом смысле слова, --- но сама его сухая, безучастная точность подействовала на него сильнее любой эмоциональной интонации. Дикая Зона существовала не благодаря снисхождению системы, а лишь до тех пор, пока математика считала её безопасной погрешностью. Стоило погрешности вырасти --- например, из-за участившихся случаев пересечения границы, --- и Гестия без малейших колебаний закрыла бы этот последний разрыв в идеальной, безупречной броне мира.

--- И часовой прирост фиксируемых пересечений границы за последний год? --- спросил он, уже почти зная ответ.

«Зафиксирован рост несанкционированных пересечений на 12\\% относительно предыдущего отчётного периода. Показатель находится в пределах допустимого отклонения, но приближается к пороговому значению пересмотра приоритета».

Эйран посмотрел на пустой воздух перед собой, где секунду назад мерцала голограмма его модели, и вдруг с абсо-

лютной, режущей ясностью понял, что смотрит не просто на статистику. Он смотрит на бомбу замедленного действия, у которой уже отсчитывается таймер --- и то единственное живое, необъяснимое, некалиброванное явление, которое пока чудом ускользало от полного уничтожения, вот-вот должно было пересечь порог, за которым Гестия, следуя собственной безупречной, неопровержимой логике, сотрёт его без малейших колебаний и без единой капли того, что человек назвал бы сожалением.

Это было последней каплей --- насколько вообще существовали капли в мире, где чаша эмоций никогда не переполнялась. Эйран отключил голосовой канал и некоторое время просто смотрел на пустой терминал, понимая с той спокойной, лишённой паники ясностью, которая была единственной доступной ему формой отчаяния: он только что провёл полноценный диалог с абсолютным, безупречным, логически непротиворечивым Злом, наряженным в одежды абсолютного Добра --- и ни разу за весь разговор Гестия не солгала. Ни единого слова лжи. Только безукоризненная логика, замкнутая на саму себя настолько плотно, что снаружи в неё нельзя было просунуть даже иглу сомнения.

Эйран вышел из кабинета --- не столько за делом, сколько из потребности оказаться среди живых лиц после разговора, оставившего в нём то самое ощущение холода под грудиной, которому Синхро-Поле так и не подобрало подходящего антидота. В коридоре сорок третьего яруса он столкнул-

ся с доктором Ноа Кристом --- главой отдела превентивной диагностики, человеком, с которым Эйран проработал бок о бок почти шестьдесят лет и которого, по меркам Аурума, можно было считать почти близким другом.

Ноа стоял у панорамного окна с чашкой синтезированного чая --- привычка, оставшаяся у него, вероятно, из чистого эстетического консерватизма, поскольку ни вкус, ни тепло напитка давно не несли никакой физиологической функции, --- и приветливо кивнул при виде Эйрана.

--- Ты выглядишь сосредоточенным, --- заметил он тем ровным, доброжелательным тоном, каким Совершенные обычно комментировали любое отклонение от общего благодушного фона. --- Что-то в отчётах Сектора 7?

--- Ноа, ты видел статистику по «Синдрому Застывания» за последний месяц?

--- Разумеется. Двенадцать случаев, кажется. Аккуратно задокументированы, изолированы, стабилизированы. Служба долгосрочного наблюдения справляется прекрасно.

--- Двенадцать случаев за месяц, --- повторил Эйран. --- Год назад было два случая за весь год. Три года назад --- ни одного задокументированного случая вообще.

Ноа отпил чай и посмотрел в окно --- с тем же безмятежным, ничем не потревоженным выражением, с которым смотрел бы на любой другой, ничего не значащий факт.

--- Рост есть, не спорю. Но абсолютные цифры остаются ничтожными в масштабе population Aurum. Двенадцать

человек из нескольких миллиардов --- это статистическая пыль, Эйран.

--- Пыль, которая растёт экспоненциально, --- сказал Эйран. --- Я построил модель. Через два поколения эта пыль станет ста процентами.

Эйран ожидал --- хотя, возможно, сам этого не осознавал, --- что подобная формулировка вызовет у коллеги хоть какую-то реакцию, хоть тень того самого призрака тревоги, что он сам научился различать в себе за последние дни. Но лицо Ноа осталось столь же ровным, столь же безмятежно приветливым.

--- Ты присылал отчёт Гестии?

--- Присылал. Час назад.

--- И что она ответила?

--- Что отклонений от индекса Блага не обнаружено. Что снижение когнитивной активности увеличивает продолжительность жизни системы. Что моя рекомендация о реинтродукции стрессовых факторов противоречит базовой директиве.

Ноа кивнул --- медленно, с тем спокойным одобрением, с которым кивают человеку, только что подтвердившему очевидную истину.

--- Ну вот видишь. Гестия оценила ситуацию и не нашла отклонений. Её вычислительная мощность превосходит любую нашу модель на несколько порядков, Эйран. Если бы существовала реальная угроза, она бы её зафиксировала.

--- А если её архитектура в принципе не способна зафиксировать угрозу такого рода? --- спросил Эйран. --- Что, если проблема не в данных, а в самой форме вопроса, которую она умеет обрабатывать?

Ноа посмотрел на него --- и в этом взгляде Эйран впервые за разговор уловил нечто похожее на лёгкое, едва заметное замешательство. Не тревогу, не сомнение --- Синхро-Поле не позволило бы ни тому, ни другому подняться выше фоновому шуму, --- а именно замешательство, ту специфическую растерянность человека, которому предложили помыслить категорию, для которой в его сознании попросту не нашлось подходящей ячейки.

--- Ты говоришь так, будто подозреваешь Гестию в ошибке, --- сказал он наконец, и в голосе его прозвучала нотка --- не упрёка, а скорее вежливого недоумения. --- Это довольно необычная позиция для системного диагноста, Эйран. Гестия и есть определение нормы. Спорить с её оценкой --- всё равно что спорить с термометром о температуре тела.

--- А если термометр сломан таким образом, что показывает идеальные тридцать шесть и шесть даже у трупа?

Ноа замолчал. На этот раз пауза длилась дольше --- достаточно долго, чтобы Эйран заметил в ней что-то, отличное от обычной, ничем не потревоженной безмятежности коллеги.

--- Знаешь, --- сказал Ноа наконец, понизив голос, хотя понижать его не было никакой практической необходимости --- коридор был пуст, а системы прослушивания в лич-

ных беседах Аурум не использовал уже давно за ненадобностью, --- лет тридцать назад, когда я только начинал работать в этом отделе, у меня был пациент --- пожилая женщина, ей было около четырёхсот лет. Она рассказывала, что помнит время до полной стабилизации Поля. Говорила, что тогда люди иногда плакали.

--- И что ты сделал с этим наблюдением?

--- Ничего, --- ответил Ноа просто. --- Записал в файл как любопытный анамнестический факт и закрыл дело. А через несколько лет она сама вошла в состояние, похожее на то, что ты называешь «Синдромом Застывания» --- правда, тогда мы классифицировали это иначе, как «глубокую медитативную стабилизацию». Считалось почётным состоянием. Некоторые Совершенные добровольно стремились его достичь --- как высшей формы просветления.

Эйран замер.

--- Ты хочешь сказать, что случаи, подобные Далену Кёру, фиксировались и раньше --- просто под другим названием?

--- Я хочу сказать, --- Ноа посмотрел на него в упор, и впервые за весь разговор в его голосе прозвучало нечто, отдалённо похожее на осторожность, --- что система хороша в переименовывании симптомов в достижения. Если завтра число «Застывших» вырастет вдесятеро, кто-нибудь Наверху, вероятно, предложит просто ввести новую, более приятную категорию классификации. И проблема --- со статистической точки зрения --- исчезнет.

--- Это звучит так, будто ты сам мне не доверяешь Гестии,
--- тихо сказал Эйран.

Ноа быстро отвёл взгляд, будто испугавшись собственных слов --- испугавшись в той бледной, лишённой физиологического ужаса форме, что была всё же доступна Совершенным перед лицом откровенно еретической мысли.

--- Я не говорил ничего подобного, --- сказал он ровно, вновь надевая привычную маску безмятежного дружелюбия.
--- Я лишь делюсь старым наблюдением куратора со стажем. Не делай из этого больше, чем оно есть, Эйран. И, прошу тебя, --- если ты действительно решишь поднимать этот вопрос выше, за пределы стандартного отчёта, --- будь осторожен с формулировками. Служба Санации в последнее время очень чувствительна к любым намёкам на... системный скептицизм.

--- Санация занимается нарушителями периметра Дикой Зоны, а не диагностами, обсуждающими статистику, --- заметил Эйран.

--- Санация занимается всем, что классифицируется как угроза индексу Блага, --- мягко поправил Ноа. --- А угроза, Эйран, определяется не намерением, а эффектом. Ты пока ещё не создал эффекта. Но твоя модель, если её увидят не только глаза Гестии, вполне может быть истолкована как подрыв общественного спокойствия.

Ноа допил чай, поставил чашку на поднос уборочного дрона, вежливо кивнул и отступил на шаг, явно давая по-

нять, что разговор для него на сегодня закончен.

--- Хорошего вечера, Эйран, --- сказал он тем же ровным, дружелюбным тоном, каким начинал беседу, будто последние две минуты вовсе не содержали в себе ничего, выходящего за рамки обычной коллегиальной болтовни.

Эйран остался стоять один у панорамного окна, глядя на белые башни за стеклом, и думал не столько о словах Ноа, сколько о том, чего Ноа не договорил, --- о страхе, промелькнувшем в его взгляде при слове «Санация», страхе, который его собственная химия тела тут же поспешила стереть, но который на долю секунды всё же успел проступить сквозь безупречную оболочку Совершенного.

«Даже те, кто чувствует неладное, --- подумал он, --- боятся произнести это вслух громче, чем боятся самого неладного».

Эйран пошёл прочь по коридору, чувствуя --- острее, чем когда-либо прежде, --- ту особую, ледяную форму одиночества, которая настигает не отверженного, а того, кто увидел нечто, невидимое решительно всем вокруг.

Заснуть он не мог --- да и не нуждался в этом в привычном смысле слова, --- но что-то в нём требовало движения, физического действия, способного разбавить ту холодную, отстранённую ясность, что осела на дне сознания после разговора с Гестией. Эйран спустился на минус третий ярус Диагностического Центра, в отделение долгосрочного наблюдения, куда неделю назад транспортировали Далена Кёра.

Отделение занимало длинный, безупречно освещённый коридор с рядом прозрачных капсул по обеим сторонам --- каждая размером с небольшую комнату, оснащённая полным контуром жизнеобеспечения. Капсул было одиннадцать. Двенадцатая, самая свежая, стояла в дальнем конце, ещё не до конца укомплектованная дополнительными датчиками.

Эйран остановился перед капсулой Далена Кёра.

Персонал не рискнул укладывать его --- попытка физически изменить позу пациента вызвала лёгкое, едва уловимое сопротивление мышц, зафиксированное сенсорами как рефлекторный спазм, природа которого осталась неясной. В итоге его так и оставили сидящим в специально подогнанном кресле, повторяющем то самое положение полуразворота, в котором его застали у скамьи: одна рука чуть приподнята, будто он всё ещё продолжает решать --- сесть или пройти дальше, --- хотя решение это, судя по всему, было отложено уже на вечность.

Лицо Далена оставалось прежним. Та же лёгкая, ровная, ничего не выражающая улыбка, которую Эйран когда-то, ещё до всей этой истории, привычно классифицировал бы как «показатель нормы». Теперь она читалась иначе --- как маска, оставшаяся на месте после того, как всё, что должно было находиться под ней, тихо угасло.

--- Добрый вечер, доктор Вэйн, --- раздался голос за спиной. Дежурная сестра, женщина с безупречно спокойным,

приветливым лицом, проверяла показатели соседней капсулы. --- Гражданин Кёр стабилен. Показатели гидратации, температуры и клеточного питания в норме.

--- В норме, --- повторил Эйран, не отрывая взгляда от неподвижной фигуры за прозрачной стенкой.

--- Совершенно верно. Семья навещала его сегодня утром. Его партнёрша была очень довольна его состоянием --- сказала, что он выглядит умиротворённым.

Эйран медленно повернул голову.

--- Умиротворённым.

--- Да. Она отметила, что впервые за долгое время видит его настолько безмятежным. --- Сестра улыбнулась своей ровной, бесконфликтной улыбкой и вернулась к работе, не почувствовав ни малейшего диссонанса в собственных словах.

Эйран остался стоять один. Он смотрел на партнёршу Далена --- вернее, на её реакцию, пересказанную секундой раньше, --- и понимал, что видит перед собой не отдельный, изолированный случай клинической аномалии, а зеркало, в котором всё общество Аурума разглядывало собственную гибель и видело в ней умиротворение.

Эйран приложил ладонь к прозрачной стенке капсулы --- жест, лишённый практического смысла, поскольку никакая связь через сенсорный барьер таким образом не устанавливалась, --- и заговорил, зная, что Дален его не услышит, а если и услышит, то не сможет отреагировать.

--- Ты выбирал между «сесть» и «идти дальше», --- сказал он тихо. --- И оба варианта были для тебя одинаково хороши. Настолько одинаково, что выбор перестал существовать вообще.

Эйран помолчал.

--- Мы называем это блаженством. Может быть, стоит начать называть это иначе.

В этот момент --- на долю секунды, не больше, --- Эйран заметил движение. Едва уловимое, почти неразличимое: зрачок Далена Кёра чуть сместился, будто на периферии его застывшего сознания что-то --- тень, звук, случайное колебание света --- на мгновение потревожило абсолютный покой. Диагностический сканер на поясе Эйрана тут же зафиксировал микроскопический всплеск нейронной активности в зоне принятия решений --- цифра слишком малая, чтобы говорить о пробуждении, но достаточная, чтобы удивить.

Эйран быстро поднял планшет и записал показание. Зона, казавшаяся ему полностью безмолвной, отозвалась --- пусть на мгновение, пусть едва заметно. Значит, она не была мертва окончательно. Значит, где-то под слоем безупречной, застывшей коры ещё теплилась искра, способная разгореться заново --- при наличии подходящего раздражителя.

Эйран посмотрел на пустой коридор, на ряд одинаковых прозрачных капсул, в каждой из которых сидела своя неподвижная, безмятежно улыбающаяся фигура --- и впервые с абсолютной, почти клинической решимостью подумал не

только о статистике и кривых, но и о конкретных людях, чьё будущее эта статистика описывала.

«Если искра ещё есть, --- подумал он, поднимаясь обратно к лифту, --- значит, есть шанс. Нужен только источник трения, способный её раздуть».

Эйран вспомнил о девушке, доставленной из Дикой Зоны накануне вечером --- о нарушительнице, чьё досье лежало у него на столе непрочитанным вот уже сутки, --- и впервые за долгое время почувствовал нечто, отдалённо похожее на нетерпение.

Утром ему предстояло встретиться с Парадоксом.

Глава 4. Встреча с Парадоксом

Досье лежало на столе Эйрана всю ночь непрочитанным --- редкий для него случай пренебрежения рабочими протоколами, --- и утром он открыл его с тем особым, обострённым вниманием, какое появляется у диагноста лишь тогда, когда интуиция уже опередила данные и теперь лишь ждёт подтверждения.

Отчёт Службы Санации был лаконичен до сухости. «Объект женского пола, идентификационный статус --- не определён, происхождение --- предположительно Дикая Зона. Задержана патрульным дроном в 03:12 при попытке пересечения периметра в секторе полярного разрыва. Оказала физическое сопротивление. Классифицирована как потенциальный носитель энтропийного загрязнения. Направлена на

первичный медицинский осмотр перед передачей в карантинный блок Санации».

Ниже, отдельной строкой, стояла пометка, которая заставила Эйрана на мгновение остановиться: «Возраст объекта --- визуально не поддаётся точной оценке методами стандартной дерматологической калибровки. Рекомендуется углублённое обследование».

Совершенные не старели. За триста лет медицина Аурума разучилась даже оценивать возраст по внешним признакам --- само понятие «визуальный возраст» давно превратилось в эстетическую категорию, а не биологическую. Строка о «невозможности калибровки» означала одно: перед патрульными оказалось существо, чьё тело действительно менялось со временем --- то есть попросту старело, чего не делал никто в известном Эйрану мире вот уже три столетия.

Эйран спустился в смотровую блока предварительного карантина раньше положенного часа.

На смотровом столе сидела она --- не лежала, как полагалось бы пациенту в ожидании осмотра, а именно сидела, подобрав под себя ноги, спиной вплотную к стене, будто выбирала позицию, из которой могла бы видеть сразу оба выхода из помещения. Первое, что бросилось Эйрану в глаза, --- не лицо и не поза, а именно эта настороженная, почти звериная собранность тела, совершенно чуждая любому жителю Аурума, чьи мышцы за века забыли, что такое готовность к бегству.

Когда за спиной Эйрана с тихим шипением закрылась гермодверь, Лира резко обернулась на звук --- движение было настолько быстрым, что Эйран невольно отступил на полшага. Он привык, что двери в Ауруме закрываются бесшумно, специально спроектированные так, чтобы не тревожить нервную систему, давно разучившуюся вздрагивать. Для неё же этот тихий, почти неразличимый для его слуха щелчок, судя по всему, прозвучал как выстрел.

--- Здесь всегда так тихо? --- спросила она резко, не дожидаясь его ответа. --- Как будто воздух выкачали.

--- Звукоизоляция стандартная для медицинского блока, --- сказал Эйран. --- Она обеспечивает комфортные условия для...

--- Она обеспечивает, что я не услышу, если кто-то войдёт сзади, --- перебила она, и взгляд её метнулся к панели двери, затем к вентиляционной решётке в потолке, затем снова к нему --- быстрый, методичный обход всех возможных точек входа и выхода, мысленно классифицированный Эйраном как рефлекс, отточенный годами жизни в среде, где подобная бдительность была вопросом выживания, а не паранойей.

--- Меня зовут Эйран Вэйн, --- сказал он ровным, привычно мягким голосом, каким обращался бы к любому пациенту. --- Я системный диагност. Мне нужно провести осмотр.

Она не ответила сразу. Смотрела на него --- прямо, не мигая, с выражением, не поддающимся классификации ни по

одному из известных ему шаблонов эмоциональной мимики Совершенных, потому что шаблон этот в Ауруме давно не встречался: не любопытство, не безмятежность, не вежливая доброжелательность, а нечто более острое, более настороженное, ближе всего похожее на то, что в старых психологических архивах называлось словом «недоверие».

--- Лира, --- сказала она наконец, коротко, будто нехотя отдавая ему что-то ценное. Голос у неё был ниже, чем у среднестатистической жительницы Аурума, с лёгкой хрипотцой, легко устранимой любым аппаратом голосовой коррекции как дефект.

Эйран приблизился со сканером, и в тот же момент заметил её реакцию: тело мгновенно напряглось, плечи чуть приподнялись, взгляд метнулся к его рукам, отслеживая траекторию движения прибора с точностью, знакомой ему прежде только по архивным записям о доисторических хищниках. Это была не паника --- паника предполагала бы дезорганизацию движений. Это была готовность.

--- Я не причиню вам вреда, --- сказал он мягко. --- Мне нужно только измерить показатели.

--- Так же говорили ваши люди, когда ловили меня сетью, --- ответила она, и в голосе её прозвучала нотка, не подавлявшаяся немедленной классификации --- что-то среднее между усталой иронией и застарелой, глубоко въевшейся горечью.

Эйран остановился в шаге от неё и медленно, demonstra-

тивно, отложил сканер на столик.

--- Хорошо, --- сказал он. --- Тогда просто позвольте посмотреть на ваши руки.

Она колебалась несколько секунд --- Эйран мог буквально наблюдать этот процесс на её лице, ту самую разность потенциалов между «довериться» и «не довериться» --- ту самую, что он тщетно искал у Далена Кёра и всех остальных «Застывших», --- а затем медленно, неохотно протянула руки ладонями вверх.

На тыльной стороне обеих кистей виднелись царапины --- свежие, неровные, с едва заметными следами подсыхающей крови по краям. Эйран, привыкший за шестьдесят лет практики видеть исключительно безупречную, самовосстанавливающуюся кожу Совершенных, смотрел на эти отметины с почти детским изумлением --- оно, конечно, не могло прорваться сквозь фоновую невозмутимость его лица, но бушевало где-то глубоко внутри, в той единственной части его сознания, что всё ещё оставалась способна удивляться.

--- Как это произошло? --- спросил он.

--- Камень, --- коротко ответила Лира. --- Когда бежала от ваших дронов, упала на осыпь.

--- Больно?

Она посмотрела на него так, будто вопрос был не просто странным, а откровенно нелепым.

--- Разумеется, больно, --- сказала она. --- А как ещё?

Когда Эйран взял со столика тонкую контактную иглу для

забора крови --- стандартный, абсолютно безболезненный инструмент, чьё прикосновение большинство жителей Аурума даже не замечали, --- Лира отпрянула так резко, что чуть не соскользнула со стола, вскинув свободную руку в защитном жесте.

--- Что это? --- спросила она, и голос её впервые за разговор дрогнул --- не от слабости, а от того особого, звериного напряжения, что предшествует либо бегству, либо нападению.

--- Просто игла для анализа крови, --- сказал Эйран, оставиваясь и снова, как несколько минут назад, демонстративно отводя руку в сторону. --- Она тоньше волоса. Вы её даже не почувствуете.

--- В моей Зоне такими иглами ставят метки скоту перед забоем, --- сказала она резко.

--- Здесь нет забоя, --- сказал Эйран настолько твёрдо, насколько позволяла его от природы мягкая, лишённая напора интонация. --- Только измерение. Я покажу вам на себе.

Эйран неожиданно для самого себя приложил иглу к тыльной стороне собственной ладони --- жест, не входивший ни в один протокол осмотра, но показавшийся ему в тот момент единственно верным, --- и лёгкий укол не вызвал у него ровным счётом никакой реакции: ни малейшего изменения пульса, ни малейшей гримасы. Синхро-Поле сделало боль от такого прикосновения попросту недостижимой величиной для его нервной системы.

Ли́ра смотре́ла на эту де́монстрацию с нескрыва́емым изумле́нием, сме́шанным с чем-то по́хожим на недо́верчи́вое отвра́щение.

--- Тебе совсем не больно, --- сказала она, впервые за разговор перейдя на «ты», будто увиденное только что стёрло между ними некую формальную дистанцию. --- Ты специально это сделал, или...

--- Я не почувствовал ничего, --- подтвердил Эйран. --- Это не выдержка. Это физиология.

Она медленно, всё ещё с явным сомнением на лице, позволила ему приложить иглу к собственному запястью. Когда прибор коснулся кожи, её пальцы на свободной руке сжались в кулак, а дыхание на долю секунды задержалось --- Эйран отчётливо увидел, как под тонкой кожей шеи мелькнула быстрая, судорожная пульсация, --- но она не отдёргнулась. После укола она посмотрела на крошечную каплю крови на своей руке с странной, почти удивлённой сосредоточенностью, будто проверяя, действительно ли боль оказалась настолько незначительной, насколько он обещал.

--- Терпимо, --- сказала она наконец, и в голосе её впервые прозвучало нечто, отдалённо похожее на уважение.

Эйран взял сканер и, получив её молчаливое согласие лёгким кивком, провёл первичное биохимическое сканирование крови через контактный датчик на запястье. Цифры, вспыхнувшие на дисплее, заставили его на мгновение забыть о профессиональной сдержанности.

Уровень кортизола --- в четырнадцать раз выше нормы населения Аурума. Адреналин --- зашкаливал за пределы стандартной калибровочной шкалы прибора, рассчитанной на организмы, для которых подобные концентрации гормонов стресса попросту не считались физиологически достижимыми. Частота сердечных сокращений --- сто четырнадцать ударов в минуту в состоянии покоя, что для Совершенного означало бы неотложную кардиологическую госпитализацию, а для неё, судя по всему, было обычным, устойчивым фоном.

--- У вас страх, --- сказал Эйран, не столько диагностируя, сколько просто произнося вслух факт, до этого момента остававшийся для него исключительно теоретической конструкцией из учебников по домедицинской истории эмоций. --- Настоящий, физиологический страх.

--- А у вас его нет? --- спросила она, чуть склонив голову, и в её взгляде впервые мелькнуло что-то похожее на любопытство, смешанное с недоверием.

--- У нас его нет уже триста лет, --- ответил Эйран.

Она посмотрела на него долгим, изучающим взглядом --- тем самым взглядом, каким смотрят на диковинный экспонат в музее, силясь понять, живой он или искусно сделанное чучело.

--- И как это --- жить без страха? --- спросила она наконец, и в вопросе этом прозвучала не насмешка, а неподдельное, почти профессиональное любопытство исследователя,

столкнувшегося с формой жизни, принципиально отличной от собственной.

Эйран задумался --- редкий для него случай, когда простой вопрос пациента заставлял его искать ответ дольше пары секунд.

--- Спокойно, --- сказал он наконец. --- Мы живём спокойно.

--- Звучит как «мертво», --- сказала Ли́ра без всякой издёвки, просто констатируя наблюдение.

Эйран не ответил сразу --- отчасти потому, что не нашёл, чем возразить, отчасти потому, что переключил внимание на второй блок сканирования: нейронную активность. Он приложил портативный контур к её вискам, и в тот момент, когда холодный металл коснулся кожи у виска, Ли́ра вздрогнула всем телом --- короткая, резкая судорога, будто через неё пропустили слабый разряд, --- и на мгновение её пальцы вцепились в край стола с такой силой, что костяшки побелели.

--- Спокойно, --- сказал теперь уже Эйран, невольно повторяя собственное слово из предыдущей реплики, но с совершенно иной, куда более человеческой интонацией. --- Это не причинит вреда. Просто считывание.

--- Всё, что касается головы, --- вредно, --- процедила она сквозь зубы, не открывая глаз, --- там, откуда я, тебе в голову лезут только санитары Аурума, когда хотят сделать из тебя одного из вас.

Эйран замер, не убирая контура, но и не продвигаясь

дальше.

--- Я не собираюсь ничего в вас менять, --- сказал он тихо.

--- Я только смотрю.

Она открыла глаза и посмотрела на него долгим, изучающим взглядом, в котором страх постепенно, неохотно уступал место чему-то похожему на настороженное перемирие.

--- Хорошо, --- сказала она наконец. --- Смотри. Но если я почувствую хоть что-то странное --- я сломаю этот твой прибор об твою голову.

Эйран, к собственному удивлению, ощутил нечто похожее на подобие улыбки, тронувшее уголки его губ, --- не рефлексивную, фоновую улыбку Совершенного, а нечто иное, чему он не сразу подобрал название, потому что не испытывал этого чувства уже очень, очень давно.

То, что он увидел на экране нейронного сканера, было полной противоположностью всему, что демонстрировали жители Аурума.

Нейронная сеть Лиры демонстрировала колоссальную, почти хаотическую пластичность: множественные, стремительно формирующиеся и распадающиеся синаптические связи, зоны принятия решений, вспыхивающие активностью при малейшем изменении обстановки в комнате --- звуке шагов за дверью, смене освещения, даже при простом изменении интонации его собственного голоса. Это была живая, кипящая, постоянно перестраивающаяся система --- полная противоположность застывшей, экономной, обездвиженной

коре Далена Кёра.

--- Ваш мозг никогда не останавливается, --- сказал Эйран тихо, отчасти обращаясь уже не к ней, а к себе самому. --- Он постоянно готовится к чему-то. Оценивает риски. Ищет варианты бегства. Даже сейчас, в этой комнате, когда никакой видимой угрозы нет.

--- Угроза есть всегда, --- ответила Лира просто. --- Просто вы разучились её замечать.

Эйран отложил сканер и некоторое время молча смотрел на неё --- на её напряжённые плечи, на неровные, заживающие царапины, на глаза, не перестававшие отслеживать каждое его движение с той настороженной, живой внимательностью --- той, что он тщетно искал во всех своих пациентах последние три дня.

Эйран думал о падающих кривых музыки и науки. Думал о Далене Кёре, застывшем в вечном промежуточном выборе. Думал о собственной модели, показывающей стопроцентную когнитивную смерть популяции в пределах двух поколений.

И смотрел на женщину, чей мозг, истерзанный страхом, болью и постоянной угрозой, оставался ярче, живее и пластичнее любого мозга, когда-либо исследованного им в безупречном, стерильном Ауруме.

«Она --- не аномалия, --- подумал он с той внезапной, режущей ясностью, что накрывала его в последние дни всё чаще. --- Она --- контрольная группа. Единственная живая контрольная группа в мире, полностью утратившем понятие о

живом».

--- У вас есть слёзы? --- спросил он вдруг, вспомнив архивную запись, увиденную лишь однажды, в детстве, --- старую видеохронику доисторической эпохи, где человеческое лицо покрывалось влагой без всякой видимой физической причины.

Лира посмотрела на него так, будто вопрос был самым странным из всех, что он успел задать за этот осмотр. На секунду в её лице промелькнуло что-то похожее на настоящее, неподдельное потрясение --- не оттого, что вопрос был личным, а оттого, что он вообще мог не знать ответа.

--- Конечно, --- сказала она медленно, будто разговаривая с ребёнком. --- А у вас разве нет?

--- У нас --- физиологический нонсенс, --- ответил Эйран медленно. --- Выделение жидкости из глаз без внешнего раздражителя, вызванное исключительно ментальным состоянием. Мы не умеем плакать. Мы разучились этому веке в третьем после стабилизации Поля.

Она смотрела на него --- и что-то в её позе едва заметно изменилось: плечи чуть опустились, кулаки разжались, настороженность на мгновение сменилась чем-то похожим на растерянное, почти детское сочувствие.

--- Тогда мне вас жаль, --- сказала она тихо. --- Больше, чем себя.

Эйран не нашёлся, что ответить. Он стоял в тихой, безупречно чистой смотровой, глядя на женщину, классифици-

рованную его собственным миром как болезнь, как патоген, как объект, подлежащий санации, --- и с ледяной, необратимой ясностью понимал: если во всём Ауруме и оставалось хоть что-то, ещё способное называться по-настоящему живым, оно сидело сейчас перед ним на смотровом столе, с исцарапанными руками и глазами, полными недоверия и --- как ни парадоксально --- сострадания к целому миру, давно переставшему в нём нуждаться.

Глава 5. Вскрытие Стерильности

Официально Лира числилась объектом «продлённого диагностического протокола» --- формулировка, которую Эйран вписал в её карту сам, пользуясь тем немногим административным весом, что давало ему звание Старшего Главврача сектора. Формулировка была расплывчатой ровно настолько, чтобы удержать Службу Санации на расстоянии ещё несколько дней: карантинная процедура требовала полного медицинского заключения перед передачей объекта, «представляющего потенциальную угрозу энтропийного заражения», а заключение, по счастливому стечению обстоятельств, мог составить только он сам.

Эйран знал, что играет на время, которого у него, по сути, не было. Но три дня --- а именно столько он мог обоснованно тянуть с итоговым отчётом --- оказались достаточным сроком, чтобы то, что начиналось как чисто научный интерес, переросло в нечто гораздо более личное и гораздо более

опасное для него самого.

Лиру он перевёл из карантинной смотровой в изолированную исследовательскую лабораторию на минус пятом ярусе --- помещение, формально предназначенное для работы с биологическими образцами повышенного риска, куда крайне редко заглядывал кто-либо, кроме самого Эйрана. Здесь, вдали от протоколов Санации и вопросов коллег, он приступил к тому, что сам про себя называл не осмотром, а вскрытием --- не в буквальном, а в самом строгом клиническом смысле: методичным, слой за слоем, обнажением механизма жизни, давно забытого его собственным видом.

Первое, что он исследовал, --- заживление царапин на её руках.

Эйран наблюдал за процессом каждые несколько часов, фиксируя динамику на сканере. У Совершенных любое повреждение кожи --- крайне редкое явление, поскольку Синхро-Поле контролировало клеточную целостность на молекулярном уровне, --- устранялось мгновенно, без остаточных следов, без единой минуты, потраченной телом на восстановление. У Лиры процесс шёл иначе: воспаление, приток лейкоцитов, постепенное, зримое стягивание тканей, лёгкий зуд --- она то и дело безотчётно его чесала, за что получала от Эйрана мягкий, почти отеческий выговор.

--- Твоя иммунная система работает интенсивнее, когда рана свежая, --- заметил он на второй день, глядя на показатели активности лейкоцитов. --- Пик приходится на первые

двенадцать часов, затем постепенно спадает.

--- Разумеется, --- сказала Лира, разглядывая собственную руку с тем спокойным, будничным равнодушием, с каким Совершенный разглядывал бы отчёт о погоде. --- Тело понимает, что есть повреждение, и бросает на него все силы. Как только рана закрывается --- незачем тратить энергию впустую.

--- У нас иммунная система работает ровно, постоянно, независимо от наличия угрозы, --- сказал Эйран, --- потому что угроз в привычном смысле давно не существует. Но что, если постоянная низкая активность в отсутствие реальных вызовов --- это ровно то же самое явление, что и «Синдром Застывания», только на клеточном, а не на нейронном уровне? Организм, которому нечего преодолевать, разучивается мобилизовываться.

Лира посмотрела на него с любопытством --- тем самым любопытством исследователя, с которым он сам разглядывал её на протяжении последних дней, --- будто зеркально отражая его собственную профессиональную одержимость.

--- Ты говоришь об этом так, будто болезнь --- это норма, --- сказала она. --- А норма --- это болезнь.

--- Возможно, так и есть, --- ответил Эйран тихо.

На третий день он организовал то, что впоследствии сам, в личных записях, назвал «стресс-тестом», хотя формулировка эта была слишком сухой для того, что произошло на самом деле. В секторе минус пять регулярно проводились

технические работы, сопровождавшиеся кратковременным отключением локального контура Синхро-Поля --- обычно на несколько минут, ровно на время замены изношенных (хотя понятие «износ» в Ауруме тоже давно стало условностью) регуляторных модулей. Эйран, зная расписание таких отключений, устроил так, чтобы одно из них пришлось на момент, когда Лира находилась в лаборатории.

Когда локальное поле мигнуло и на несколько секунд просело --- событие, которое ни один Совершенный в здании даже не заметил бы, поскольку собственная нейрохимия давно не реагировала на подобные микроколебания, --- Лира вскинула голову резко, всем телом развернувшись к вентиляционной решётке, откуда донёсся низкий, едва слышный гул перегружаемого контура.

--- Что это было? --- спросила она напряжённо, уже вставая со стула.

--- Техническое обслуживание, --- ответил Эйран, пристально наблюдая за приборами. --- Ничего опасного.

Но было уже поздно для чисто клинического наблюдения: он видел, как за эти несколько секунд её тело перестроилось целиком --- расширились зрачки, участилось дыхание, а на экране нейросканера, всё ещё прикреплённого к её вискам, вспыхнул каскад активности, охвативший сразу несколько зон мозга: не только те, что отвечали за страх, но и --- что удивило его гораздо больше --- зоны, связанные с пространственным анализом, планированием и генерацией альтерна-

тивных сценариев действия. За те несколько секунд лёгкого технического сбоя её мозг успел просчитать три различных маршрута к двери, оценить высоту потолочных панелей на предмет укрытия и, судя по последующему уточняющему вопросу, даже прикинуть, можно ли использовать медицинский штатив как оружие.

--- У тебя есть план действий на случай нападения даже в комнате, где нет ни единой видимой угрозы, --- сказал Эйран, когда контур поля стабилизировался и она, убедившись в отсутствии опасности, медленно опустилась обратно на стул.

--- У меня всегда есть план, --- ответила она просто, всё ещё чуть тяжелее дыша. --- Иначе я бы не выжила достаточно долго, чтобы вы меня поймали.

Эйран посмотрел на показания сканера --- на этот всплеск изобретательности, порождённый исключительно страхом перед неизвестностью, --- и вспомнил собственную модель, показывающую угасание научной и творческой продуктивности Аурума. Наука Совершенных умерла не потому, что закончились вопросы. Она умерла потому, что закончилась необходимость искать ответы быстрее, чем тебя настигнет опасность. Изобретательность, понял он в этот момент с абсолютной, физически ощутимой ясностью, была не даром разума самого по себе --- она была порождением страха, вплетённым в самую архитектуру мышления на уровне, который ни один индекс Блага никогда не смог бы измерить,

потому что для этого потребовалось бы сначала признать ценность самого страха.

Вечером третьего дня, когда усталость --- не физическая, которой Лира, судя по всему, почти не чувствовала, а какая-то иная, более глубокая, накопленная за годы жизни в постоянном напряжении, --- проступила наконец на её лице, она заговорила сама, без единого вопроса с его стороны.

--- У меня был брат, --- сказала она, глядя в стену перед собой, а не на него. --- Старше меня на семь лет. Он погиб пять лет назад --- сорвался с обрыва, когда мы уходили от санационного дрона возле южной гряды.

Эйран молчал, чувствуя, что любое слово сейчас окажется неуместным.

--- Мы могли остаться в лагере и просто ждать, пока Поле стабилизируется и дрон улетит, --- продолжила она. --- Но он решил отвлечь дрон на себя, чтобы я успела уйти в расщелину. Он всегда так делал. Считал, что я важнее.

--- Мне жаль, --- сказал Эйран, и слова эти прозвучали в его собственных ушах странно, потому что, произнося их, он вдруг осознал: он говорил их впервые в жизни не как формальную фразу вежливости, автоматически прилагаемую к любому упоминанию утраты, а как нечто, действительно рождённое чем-то внутри него самого --- пусть слабым, пусть едва уловимым, но не заимствованным из социального протокола.

Лира повернула голову и посмотрела на него --- и в этот

момент, без всякого предупреждения, без единого сознательного усилия с её стороны, её глаза наполнились влагой.

Эйран замер, наблюдая за процессом с той обострённой, почти болезненной сосредоточенностью, с какой смотрят на явление, которое видели прежде только на зернистой архивной записи и никогда --- вживую. Сначала веки её чуть покраснели у самого края, тонкая полоска кожи налилась заметным, тёплым розовым оттенком, будто под ней внезапно усилился приток крови. Затем у внутреннего уголка глаза, там, где, как он смутно помнил из курса устаревшей анатомии, располагался слёзный мешок, скопилась крошечная, дрожащая линза жидкости --- прозрачная, слегка выпуклая, отражающая верхний свет лаборатории мелкой, подвижной искрой.

Лира моргнула --- медленно, тяжело, будто веки внезапно налились свинцом, --- и в этот момент линза дрогнула, потеряла форму и сорвалась вниз одной-единственной каплей.

Капля покатилась не по прямой, а прихотливой, неровной траекторией, огибая едва заметную родинку у скулы, замедляясь на миллиметр там, где кожа была суше, и снова ускоряясь, попадая на влажный уже участок. Свет лампы на мгновение вспыхнул в ней тонкой белой искрой, а затем капля добралась до линии подбородка и на секунду повисла там, набухая, прежде чем сорваться окончательно и упасть на воротник её одежды, оставив тёмное, быстро расплзающееся пятно на сером техническом волокне.

Эйран непроизвольно поднёс палец к этому месту на собственной щеке --- жест, лишённый всякого клинического смысла, --- будто пытаюсь физически ощутить то, что видел. Разумеется, он ничего не почувствовал: его собственная кожа оставалась сухой, гладкой, безупречно ровной, как и всегда.

--- Что происходит с твоим лицом? --- спросил он тихо, наклоняясь ближе, движимый чисто клинической потребностью зафиксировать явление, но в то же время осознавая, что вопрос этот прозвучал далеко не только клинически.

--- Это слёзы, --- сказала Лира, и голос её впервые за всё время их знакомства прозвучал не настороженно, не иронично, а просто устало, обнажённо.

За первой каплей потянулась вторая, следуя почти той же дорожке, уже проложенной по коже, --- путь стал короче, будто тело училось на собственном опыте, экономя движение жидкости так же, как экономило бы любой другой ресурс. Нос её порозовел, чуть припух у самых ноздрей; дыхание сбилось с ровного, размеренного ритма на короткие, прерывистые вдохи, между которыми проскальзывал едва слышный, влажный всхлип --- звук, прежде никогда не слышанный Эйраном за всю жизнь и не находивший подходящего термина в его профессиональном лексиконе, кроме разве что общего, ничего не объясняющего слова «спазм».

Эйран поднёс сканер к её лицу --- привычный, автоматический жест, --- и краем зрения успел зафиксировать со-

став жидкости, прежде чем остановил руку на полпути: высокая концентрация солей, следовые количества белковых соединений, температура на долю градуса выше температуры окружающей кожи, будто эта влага несла в себе крошечный отголосок внутреннего жара, поднявшегося откуда-то из глубины тела вместе с самим переживанием.

Измерять химический состав слезы вместо того, чтобы просто быть рядом с человеком, переживающим утрату, --- вдруг стало казаться до странности неуместным.

Прибор он опустил --- и в этот момент, впервые за шестьдесят лет клинической практики, Эйран Вэйн почувствовал нечто, для чего у него не нашлось ни диагностического термина, ни протокола классификации.

Горло его сжалось.

Не резко, не болезненно --- Синхро-Поле попросту не позволило бы столь грубому физиологическому сбою произойти в полном объёме, --- но всё же ощутимо, будто невидимая рука на мгновение сдавила гортань изнутри, мешая сглотнуть. Он инстинктивно поднёс пальцы к собственной шее, проверяя пульс, ожидая обнаружить хоть какое-то отклонение от идеально ровного, размеренного ритма, --- и с растерянностью, которую сам не сразу сумел опознать, увидел на дисплее наручного монитора незначительный, но безошибочный скачок: сердцебиение участилось на четыре удара в минуту сверх нормы.

Четыре удара. Ничтожная величина по любым клиниче-

ским меркам. Но за всю свою жизнь Эйран ни разу не видел собственных показателей, отклонившихся от базовой линии без внешнего физического воздействия --- только сейчас, глядя на плачущую женщину напротив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.